

На соискание Государственной

премии ТССР имени Махтумкули

ПРЕКРАСНАЯ РАБОТА

Мухамед Черкезов — Мерген-ага... Когда я узнал о том, что за исполнение этой роли в фильме «Махтумкули» один из старейших драматических актеров республики выдвинут на соискание Государственной премии, носящей имя великого национального поэта и мыслителя, я порадовался. Порадовался за актера, вот уже много лет удивляющего нас своим самобытным и многогранным дарованием в театре и в кино; порадовался за наш туркменский кинематограф, располагающий таким могучим дарованием.

Помните первое появление Мерген-ага на экране — красивого, с лукавой, чуть иронической улыбкой человека, высокого, широкоплечего, кряжистого, как вековой дуб?

...Истово спорят, горланят, перебивая друг друга, представители разных племен, съехавшиеся в аул Геркез выбрать «общего» хана. Кричат, не могут договориться, прийти к согласию: вот-вот люди кинутся друг на друга. И вдруг — тишина: появился Мерген-ага, возвращающийся с удачной охоты — на плече небольшое деревце, увешанное трофеями...

Образ охотника Мергена был задуман сценаристами и трактован режиссером А. Нарлиевым (он — один из авторов сценария), как говорится, без затей — образ-символ: Мерген-ага — это

народ. Всем прекрасным, что есть в туркменском народе (как и в любом народе), Мерген-ага был наделен более чем щедро: могучий дух, самобытный яркий талант (Мерген-ага — первоклассный музыкант), физическая сила, чувство юмора и детское простодушие, красота и щедрость души, любовь к поэзии, земле и миру, храбрость, ненависть к рабству, к чужеземным захватчикам... Я мог бы еще долго перечислять добрые качества, которыми, видимо, от доброго сердца наделили своего Мергена-ага сценаристы и режиссер, если б не боялся, что читатель вдруг воскликнет: «Да ведь это плакат!».

И он стал бы им, если бы не человеческая индивидуальность, не актерская личность Мухамеда Черкезова, наделенного великолепным драматическим даром. Актер на эту роль был подобран явно типажно. Но индивидуальность М. Черкезова, как творческой личности, его актерский талант сумели взломать голубой лед декларированных добродетелей героя, вдохнуть в него жизнь, трепет, мысль. И иногда, кажется, очень немного нужно актеру — вот эта ироническая улыбка, прячущаяся в уголках губ, лукавый блеск, мелькнувший в глазах, глубокий вздох или исполненная горечи интонация, — и Мерген-ага ожил, шагнул с экрана

и нам, стал осязаемой личностью, яркой и неповторимой.

Вот, скажем, тезис: Мерген-ага (читай — народ) любит поэзию (читай — Махтумкули). Что предложено актеру сценарием? При первой встрече Мергена-ага с возвратившимся на родину Махтумкули он должен говорить выспренные слова:

— Махтумкули! Надежда наша!..

Но посмотрите, каким человеческим обаянием наполняет актер эту сцену. Приблизив поэта, Мерген-ага положил ему на грудь свою большую седую голову, помолчал с минуту — и в этом молчании да еще в глазах актера было все: и радость встречи, и боль многолетней разлуки, и мудрое предчувствие тех великих утрат, что ждет поэта. И все это М. Черкезов сумел передать так зримо, так убедительно, что хотелось воскликнуть: «Не надо слов!».

Я привел только один пример талантливого преодоления актером сковывающих рамок плаката. Не будет преувеличением сказать, что из таких счастливых преодолений состоит вся роль, они-то и способствуют созданию неповторимого по своей индивидуальности образа Мергена-ага, потому-то ныне и олицетворяющего собой образ народа в фильме, что он — именно неповторимая личность.

Мне кажется, к слову сказать, что неудача создания образа самого Махтумкули в фильме прежде всего в том и заключена, что актер Хоммат Муллык не сумел выйти за грани образа-символа, образа-плаката. Не сумел не потому, что ему не хватило таланта, а потому, что талант этот еще несмелый, только-только утверждающий себя. Что это так, что у Х. Муллыка есть недоожинные задатки интересной творческой индивидуальности, свидетелст-

вуют некоторые сцены фильма — скажем, бегство Махтумкули из плена. Здесь сама ситуация заставила актера найти какие-то иные краски, иные движения, — он сумел преодолеть статичность, холодное величие позирующего поэта. В фильме творческая индивидуальность режиссера подавила творческую индивидуальность актера, чей талант еще не опирается на твердую почву большого сценического и жизненного опыта.

Этот незаурядный сценический и жизненный опыт, т. е. опыт этический, духовный, эстетический, присущ актеру М. Черкезову. Живое и яркое свидетельство этому — образ Мергена-ага в фильме «Махтумкули».

Хабиб ГУСЕИНОВ.

Кадр из фильма «Махтумкули». Справа — Мерген-ага — М. Черкезов.

ТУРКМЕНСКИЙ КИНО

РДБ ВФ 1 17